

О том, как писали «дело врачей» и почему в СССР не было сталинъюгенда

<http://oralhistory.ru/talks/orh-1673>

🎤 22 декабря 2013

Собеседник

Гаевский Вадим Моисеевич

Ведущий

Скляревская Инна Робертовна

Дата записи

Беседа записана 22 декабря 2013 и опубликована 8 августа 2016.

Введение

В третьей и заключительной беседе Вадим Гаевский вспоминает предвоенное детство, сравнивая свои ощущения и воспоминания с мультфильмом Александра Петрова «Еще раз». Крохотный арбатский двор и городской простор, увлечение дворовым спортом, а позже легкой атлетикой, беззаботность, дореволюционные традиции в школе, детская ненависть к фашизму и дворовое уважение к образцовой немецкой армии.

Когда началась война, отец ушел в ополчение, так же поступили все его братья. Послевоенную Москву рассказчик сравнивает с периодом после первой Отечественной войны 1812 года, вспоминает о выдвигенцах, наводнивших столицу. Одноклассник, который сидел с ним за одной партой и «сдувал» уроки, оказался сыном секретаря Маленкова. И, как говорит Вадим Гаевский, именно этот секретарь и оформил антисемитское послание Сталину, которое повлекло за собой очередную волну террора и печально известное дело врачей.

Вадим Моисеевич Гаевский: Итак, я хотел бы прокомментировать, точнее, рассказать о своих впечатлениях о фильме «Еще раз». Это мультипликация, сочиненная режиссером Петровым.

Инна Робертовна Скляревская: Нет, это студентки, ученицы Петрова, его студия.

В.Г.: Это делает честь ему и его студенткам, поскольку мультфильм этот — ретро-фильм о довоенном детстве. По-видимому, а может быть, даже без всякого «по-видимому», это надо говорить точно, *МОСКОВСКОМ* довоенном детстве...

И.С.: Хотя там Одесса.

В.Г.: Либо одесском, то есть о детстве в больших привилегированных в той эпохе городах. Одесса к ним принадлежала, она даже была более богатым городом, это морской город был, во всех отношениях он был морской, приморский, точнее сказать. По первому впечатлению это обычный мультфильм-сказка. Мультфильм, особенно детский или с детьми в качестве героев, это всегда сказочный фильм, к реальности отношение имеющий иногда очень далекое. В данном случае, поскольку это рассказывается о моем детстве примерно, как я понимаю, судя по некоторым внешним признакам, это детство начала — середины 1930-х годов. Я чуть был постарше, но я тем не менее это помню абсолютно. Это детство, как ни странно, действительно было немножко сказочным, по разным причинам. Мы жили совсем не в сказочное время, далеко не в сказочное, и уж совсем не в сказочной стране, которая себя объявила осуществившейся сказкой. Но, по-видимому, какое-то было внутреннее негласное, еще негласное решение: детей, особенно детей, только начинавших входить в жизнь, освободить и защитить от всего, что происходило вокруг, насколько это возможно. Потому что дети жили в семьях, а с семьями происходили всякого рода неприятности, а иногда и не происходили. Вот тут рассказывается о герое, по-видимому, который принадлежит к семье, где больших неприятностей не происходило. Такие семьи в крупных городах тоже были. В деревне не было таких семей, в которых бы никаких неприятностей не происходило, поэтому к деревне это не имеет никакого отношения. В малых городах тоже иногда не происходило ничего, но это была убогая жизнь, которая никакого отношения к сказке тоже не имела. А в Москве, здесь, по-видимому, и в Одессе, и даже в переживавшем печальные времена, начиная с 1917 года, Ленинграде детство было,

я могу назвать только одно слово, которое мне напомнило мое собственное детство, — оно было достаточно *беззаботным*, что замечательно, что само собой должно быть, не обремененным никакими большими заботами. Собственно говоря, мы действительно жили... Тут надо сказать, что это время, совсем далекое от современности — никаких компьютерных игр, никаких вообще. Единственная игра, о которой я мечтал и которую довольно поздно заимел — это самокат, как ни странно. (*Усмехается.*) Это даже не велик, я уж не говорю о каком-нибудь мотоцикле, и уж, конечно, никакая не тачка, то есть не машина — чего не было, того не было.

” Это было бедное время. Но бедность — теперь она кажется поэтической — никогда не казалась бедностью.

И.С.: Детьми? Не представлялась?

В.Г.: Детьми, да даже и взрослыми.

И.С.: Даже взрослым не казалась бедностью?

В.Г.: А мы не знали, что такое небогатое детство, мы не знали, что такое небогатая жизнь.

И.С.: Небедная.

В.Г.: То есть, что такое небедная жизнь. Мы не знали. Это, может быть, святая простота, может быть — опасная.

И.С.: А скажите, где вы жили и как вы жили.

Жизнь на Арбате

В.Г.: Жил я в арбатском переулке, в самом центре Москвы, на улице, по которой проезжала наша власть на машинах, мы даже иногда это видели. Тогда не перекрывали движение, движения-то особенно никакого не было. И главное, и жили потом, лето проводили на даче, что тоже, как говорится, было условием жизни для очень многих людей, это было не так дорого. В этом были заинтересованы хозяева дачных квартир, поэтому они нас ждали...

И.С.: А в Москве была коммуналка большая?

В.Г.: В Москве была большая коммуналка. Я не знал, что такое отдельная квартира, а мои родители знали, что такое отдельный дом... Кроме того, даже эта коммунальная квартира поначалу была папиной квартирой, это его собственная была квартира, между прочим.

И.С.: А в какие годы стали подселять?

В.Г.: А постепенно начали добавлять. Отнимали у кого-то, нам оставили в конце концов две, а вначале было четыре, даже пять. Постепенно отнимали по комнате и вселяли, что вызывало чрезвычайный интерес у меня... Детей, кроме меня, не было, то есть я был еще таким, любимым ребенком...

” Поскольку у всех было чувство некоторой неловкости, потому что они захватили, никакой ненависти классовой не было, потому что хозяева жили довольно бедно, работали, не паразиты были какие-то.

А квартира была — почему отец в нее вселился, — она была не им куплена, она была куплена товарищем, очень известным московским адвокатом, с которым они вместе начинали учиться. Только адвокат кончил

университет, а папа был изгнан с первого курса университетского и отправлен в Вятку, там он был политссыльный. Но когда он приехал...

И.С.: Политссыльный — это имеется в виду перед революцией, еще той, те политссыльные, другие, да?

В.Г.: Да-да-да, но он принадлежал к партии меньшевиков, не большевиков, поэтому это его ждала эта участь. Меньшевики видных сразу прикончили, а потом принялись за большевиков, которые делали революцию. Папа не делал революцию, потому что был меньшевиком.

И.С.: Но не видным?

В.Г.: Нет, не видным, далеко не видным. Он был совсем юным. Короче говоря, действительно — это было святое неведение. Кроме того, я сейчас посмотрел, очень точно адресовано

Дворовое воспитание

В.Г.: Мы не знали, насколько мы убого живем, понимаете? Нам всего этого было достаточно. И нам было достаточно того пространства, в котором мы жили, что тоже интересно. Я провел свое время на улице, всё свободное время — до школы, конечно, — только на улице.

И.С.: Во дворе?

В.Г.: Во дворе.

” Я сейчас, когда зашел в этот двор, в ужас пришел: это же малюсенький закуточек, а для нас это было пространство, наше пространство. Там, напротив, был другой двор, с которым мы воевали, и там был какой-то страшный человек, которого все боялись, что он придет...

И.С.: Взрослый? Или мальчик?

В.Г.: Мальчик, взрослый мальчик, переросток, по-видимому, второгодник какой-нибудь, профессиональный второгодник. Он стоял у ворот *там*, и мы стояли у ворот, мы не переходили. Это было чувство дистанции, как у зверей, как у животных. Это была их дистанция, это они сюда не приходили.

И.С.: Территория их.

В.Г.: Да, их территория, наша территория. Но их территория была более воинственна и более опасна. И хотя им не надо было попадаться, мы ходили вокруг, обходили, а они тоже не попадались. Тем не менее было ощущение, что у нас очень много пространства. Сейчас это кажется диким. Но сейчас к тому же оно действительно занято-перезанято — машинами, еще чем-то...

”

А тогда было гораздо больше простора, мы жили в просторном городе, так же, как, по-видимому, отец жил в просторном городе. То, что он стал просторным, потому что половина была изгнана, четверть арестована, мы этого знать не знали. Тем не менее теперь понятно, что такое пространство, чисто физическое, оно очень важно для детства.

Оно не должно быть очень большим, но должно быть осознано как большое, вот это самое главное. У нас было, возможно осознание еще не очень умных людей, неосведомленных. Тем более что никакого телевизора, мы ничего не видели вокруг, нам ничего не показывали. Был только один громкоговоритель, тарелка, который мы слушали.

И.С.: Она была у каждого своя или одна на всех?

О радиопередачах

В.Г.: Своя, нет, у каждого своя. И я слушал, замечательные были передачи, «Театр у микрофона», я слушал все оперы, их транслировали из Большого театра... Я тогда был не совсем меломаном, зато какой был замечательный рассказ о содержании оперы: очень хорошие дикторы, даже дикторы-актеры, читают с выражением, как будто ты действительно побывал в театре. Не просто отбарабанил содержание, не спектакля, а оперы, — такое впечатление, что вы побывали также на спектакле. Это было вечером, когда я приходил, очень часто это было, и это здорово было поставлено. Вообще какие-то вещи, вроде была сталинская эпоха, но какие-то вещи — там действительно работали профессионалы, на радио работали профессионалы, в Радиокomiteте. В редакции «Радио у микрофона» работала знаменитая Роза Иоффе, которая вернула жизнь Бабановой. Марья Ивановна Бабанова записала и «Маленький принц», и Чехова. Все было абсолютно на уровне, просто мировой класс был у этого самого радио. Вообще много чего было мирового класса, как ни странно. Мы это тоже не понимали, но это нашу жизнь делало интересной. И главное, что нас немножко оставили в покое, вот что самое главное. Германия... вот все-таки полного сродства, конечно, не было. В Германии был Гитлер...

Как советским детям оставили немного детства

И.С.: Одну секунду, простите, вопрос о Германии возник почему?

В.Г.: Потому что немцы, как только пришли к власти, начали обрабатывать молодежь, которая, кстати говоря, отчасти и привела их к власти. Это мало кто знает. Говорят о том, сколько денег давали промышленники, сколько денег давали на Гитлера, какую роль сыграли бывшие фронтовики-штурмовики. А мало кто знает, хотя знают за границей, потому что я видел сам французские фильмы. Замечательный документальный фильм 1931, 1930 год — о путешествии по немецким летним лагерям.. Тогда были организованы по типу пионерских лагерей... В фильме «Кабаре» это и показано, между прочим. Такие юношеские, полудетские летние лагеря для молодых людей, чтобы они спортом занимались. И, значит, призвали национал-социалистов к власти, там они воспитывали, еще до прихода к власти. Вот там и рождалась вся будущая элита политическая. У нас этого ничего не было. У нас были какие-то жалкие попытки, причем ориентированные на Америку, а не на Германию, на бойскаутов: «Тимур и его команда», помогать старым, очень гуманные вещи, очень. Гайдар, дед нашего Гайдара, придумал замечательную вещь. А почему нет? Я сам был тимуровцем. Ну а что тут такого? Мы ходили, что-то таскали из магазина, что-то такое...

” Понятия идеологической обработки не было, гитлерюгенд был, а сталинюгенда не было. Мы вообще о Сталине мало думали, мы его не видели. Не было телевизора... А он же не выступал, как Гитлер, непрерывно, он боялся, вообще говоря, своего акцента, боялся своего рыбого лица и выступал очень редко, раз в год.

Под Новый год он не выступал, ничего этого не было. Вообще Сталин в нашей жизни не присутствовал. И сталинизм не присутствовал, и борьба с троцкизмом не присутствовала. Нам, повторяю, немножечко оставили детства. По-видимому, это было решение.

И.С.: То есть это не семья, это общая тенденция была?

В.Г.: Да. Нет, не моя семья, моя семья вообще меня забросила, слава богу. Мы играли в футбол на огромном стадионе, наш маленький клочок этот, ради бога.

И.С.: Огромный стадион — это во дворе? В крошечном дворе?

В.Г.: Во дворе, конечно. Какие там страсти были, боже мой! Когда я недавно зашел, *крайне* изумился. Так же, как, когда я зашел в школу свою, которая мне казалась грандиозной... Этот актовый зал, я на него посмотрел. Действительно, все пропорции, ощущение пропорций меняется. Так вот, у нас не было идеологической обработки. Потом началась школа.

Пионерлагерь

В школе я был дважды — когда кончил четвертый класс и когда кончил пятый класс, — в пионерлагере, очень хорошо. Какая-то была попытка — послать нас полоть сорняки... Причем это не фильм, где с Евстигнеевым, про пионерлагерь, «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен» — нет, ничего подобного. Это была какая-то...

И.С.: Какой был лагерь?

В.Г.: Ну, это знаменитый фильм.

И.С.: Нет, я говорю, какой у вас был лагерь?

В.Г.: Ну, он был такой, интеллигентский, когизовский, книжного издательства. Там я и с Женькой познакомился, своим товарищем на всю жизнь, который сейчас живет в Тель-Авиве. Нет, когда нас, интеллигенцию, послали полоть чего-то такое, я помню, было какое-то выступление. Нет, о чем я вспоминаю, потому что я был героем там в глазах девчонок. Спорт, сколько угодно у нас было, нам вообще...

И.С.: А идеологическая работа? Пионеры? Пионерский галстук?

В.Г.: Нет-нет-нет, никаких ...

И.С.: Павлик Морозов?

В.Г.: Нет-нет-нет, я даже не знаю, когда узнал о Павлике Морозове. Нет, ничего не было. Значит, было решение сверху, чтобы этот ужас жизни несколько скомпенсировать, чтобы детство — вообще, дать «им» пожить...

И.С.: Неужели это было сознательно сделано?

В.Г.: *По-видимому*, сознательно.

И.С.: Теми же, кто устраивал этот кошмар?

В.Г.: А что такое? Это циничная была, расчетливая политика... Сталин был прагматичный человек очень, вполне возможно.

Кроме того, у Сталина была дочь Светлана, и у всех остальных — было принято, помимо своих детей, брать детей из детдома. У всех были свои Светланы. У Молотова была Светлана, да у всех были Светланы. Печальные судьбы, Свет-лана, свет, несчастные люди.

Нет, по-видимому, была какая-то детская жизнь в Кремле, потому что очень много детей вождей там жили. И, по-видимому, глядя на это, детей не трогали. Сейчас же дети наших этих... но мы о них ничего не знаем. Нет, кое-что знаем: что они должны работать на очень выгодных работах, папаши устраивают их, как раньше устраивали дворяне своих детей в гвардию, сразу записывали, у Пушкина в «Капитанской дочке» это всё написано. Сейчас же записывают в топ-менеджмент банков, все дети, наверное, с четырнадцати лет — уже готовый топ-менеджмент... А мы как раз наоборот — нас ничему не учили. То есть учили нас спорту, конечно, ГТО...

Увлечение спортом

И.С.: ГТО — готов к труду и обороне. Это ещё у нас было, нормы ГТО.

В.Г.: Ну да. Какая оборона? Готов... У нас было, чего мы ждали и, слава богу, получали — спортивные инструкторы, мы страшно увлекались спортом. У нас была тоже идеологическая программа: не читать «Вопросы ленинизма», а спортом заниматься. Это вообще полезно, поскольку недалеко от воинской подготовки, а с другой стороны — отвращает от нее абсолютно... Я занимался тогда легкой атлетикой, бегал, быстро бегал, и на меня наш физорг большие возлагал надежды. Помню, как я в эстафете... Боже мой, какой я имел успех у девчонок! Это первый мой успех публичный... А что, мы потом ждали следующего года. Летом 1940-го я в первый раз был на соревнованиях, и ждал 1941-го, что опять мы с ребятами все соберемся и опять будем побеждать во всех окрестных соревнованиях: мы жили спортом.

И.С.: Окрестных где?

В.Г.: Ну там же другие пионерские лагеря.

И.С.: А, между пионерскими лагерями.

В.Г.: Мы жили этим, немножко занимались, готовились. Не к войне готовились — к спортивным соревнованиям.

И.С.: Дети?

Как дети относились к политике

В.Г.: Да. Какой дети — мне было уже двенадцать лет. Когда война началась, мне было двенадцать лет, а через несколько месяцев — тринадцать, в том же в году, в 1941-м. Да, единственное, что мы замечательно знали, — мы обсуждали крах Франции, мгновенный крах, знали, как это случилось, как Германия окружила французские войска и как она вышла... Я и сегодня могу показать на карте, как немцы вошли в Бельгию и обошли неприступные линии Мажино.

И.С.: Но вы не знали, что в Польшу в 1939 году одновременно вошла немецкая и советская армия?

В.Г.: Нет, этого мы ничего не знали, ничего.

И.С.: Этого вы уже не знали?

В.Г.: Нет-нет-нет. Мы болели за своих, конечно, а чего? И был культ немецкой армии, вполне сознательный, в общем. Мы понимали, как проходят военные действия и могли сознательно оценить уровень подготовки и военного мастерства немецкой армии.

И.С.: В какие именно годы?

В.Г.: До самого буквально конца. С фашизмом отношения сложные, то его ненавидели, то его презирали, — то есть фашистов, фашист — всегда было оскорбительным. Но немецкая армия, которую мы отделяли от германского фашизма, казалась нам образцом, нам, в двенадцать-тринадцать лет. Мы следили, что происходит, и очень были осведомлены в том, что как это происходит. Никакого же радио не было, ничего, газет — ничего не было. Но что-то было. Во-первых, политинформации были какие-то закрытые у всех наших родителей, а родители нас брали с собой, меня, в частности. И я слышал подробный рассказ о разгромах, как немцы обошли...

И.С.: А почему родители брали с собой?

В.Г.: А потому, что я очень любил ходить в Дом печати, Дом журналиста, и он (*отец — ред.*) меня всегда брал с собой. А как? Меня всё это интересовало, и Женьку, и всех, а как?

И.С.: Но при этом папа был совершенно не просоветский?

В.Г.: Но как это... Какой советский? Настолько не просоветский, что об этом даже особо-то и не говорили, это было очевидно. Это было очевидно, но надо было как-то существовать. И самое главное — чтобы тебя не забрали. Тем не менее папа как пятидесятилетний... Ему было пятьдесят три года, когда началась война, пятьдесят три года... В первый же день он подал заявление, как и мои дядьки, как все четыре дядьки, невоеннообязанные, никогда не служившие, ничего не умевшие делать. Папа тут же пошел, сразу, а как же иначе? Не потому что это было обязательство, а это был какой-то порыв, но ещё и потому, что Германия была фашистская, это очень важно — фашист, фашистская. Все-таки думающая страна, думающая Москва ненавидела. И мы, дети, фашистов вообще...

И.С.: А что вы знали про фашистов, что это такое?

В.Г.: А всё что надо знали... Что антисемитское, антиеврейское — нет, этого не было.

И.С.: А что, почему вы их ненавидели?

В.Г.: Ну что это диктатура, диктатура, что это страна без свободы.

И.С.: А что думали про нашу страну, были какие-то параллели? Воспринимали параллели или нет? Или мы хорошие, они плохие?

В.Г.: Нет. Поскольку строевой подготовки не было, строем мы не ходили, на митинги мы не ходили. А нам рассказывали, что такое гитлерюгенд, что там с утра толпы... У нас вождя такого не было, фюрера у нас не было, а у них был фюрер...

И.С.: То есть Сталина как фюрера не воспринимали?

В.Г.: Вообще по-немецки «фюрер» — это вождь.

И.С.: Вождь.

В.Г.: И звучит по-русски слово «фюрер» как что-то гадостное, страшное, античеловечное. И антицивилизованное.

” Фюрер — это название какого-то животного, ведь если его услышать на слух, впервые — фюрер, фюрер, это вообще трудно произносить, эф и ю трудно произносить.

И.С.: По-русски трудно, да.

В.Г.: Фюрер, фю, фу, связан с фу! Фю! Какое-то дерьмо, в которое вообще можно вляпаться в это, «фю». Фу-фу-фю — это что-то безумно безобразное, «фюрер» — никакого пиетета это слово не вызывало, оно вызывало отвращение.

И.С.: И параллели не было?

В.Г.: Никакой, какой фюрер?! У нас сидит Сталин на посту, с трубкой. Мы его почти не видим, он сидит себе и сидит, на нас особенно внимания не обращает, и на том спасибо.

И.С.: Ну про посадки же вы знали?

В.Г.: Это не Сталина посадки, это Ежова посадки.

И.С.: То есть как бы Сталин оказывался ни при чем?

В.Г.: Нет-нет-нет, мы дураками не были, мы понимали, что политика, но непосредственный исполнитель — палач, Сталин не справился бы.

И.С.: А были у вас в детстве товарищи, с которыми вы были единомышленниками? Вы понимали, в вашей семье понимали...

В.Г.: Вот Женька, который сейчас живет в Израиле...

И.С.: То есть вы обсуждали это, да?

В.Г.: Ещё как! Он вообще ненавидит Израиль, куда его жена, русская жена привезла, страшно ненавидит Израиль и очень сочувствует палестинскому движению. Совершенно бред какой-то.

И.С.: Женя?

В.Г.: Языка не знает... Хотя живет только на врачебной там помощи, он больной очень человек, он меня старше на полгода. Женька. Умница.

И.С.: Но ведь остальные, в большинстве своем все были очень советскими. Или нет?

В.Г.: Вот это ерунда, полная.

И.С.: Вот это расскажите.

В.Г.: Полная ерунда.

Про школу

И.С.: Вот школа ваша, сколько человек было в классе? Тридцать? Сорок?

В.Г.: Начнем с того, что... Нет, двадцать человек...

И.С.: Двадцать человек?

В.Г.: Двадцать, не десять — двадцать человек.

И.С.: Нет, я сказала тридцать.

В.Г.: Школа... Двадцать человек. Школа моя — Медведковская гимназия, сейчас там повесили доску.

” Преподаватели наши были лучшие преподаватели, выпускники этой самой гимназии. Я об этом совсем недавно вспоминал, что прежде всего мы сталкивались с несоветским языком. Говорили они не советскими штампами, с несоветскими даже ударениями, интонациями.

И.С.: А какие, например, ударения?

В.Г.: А как говорила Москва до 1917 года.

И.С.: В чем разница? Как говорила Москва до 1917 года? Какие-то примеры можете сейчас сказать?

В.Г.: Во-первых, не было засоряющих слов совершенно никаких, во-вторых, была речь, предназначенная для общения любезных людей друг с другом, она строилась как несколько уличная речь не в толпе, а среди господ с господами, не со слугами, с уважением к каждому человеку, к которому она обращена.

И.С.: Это что — интонация или синтаксис? Что?

В.Г.: Интонация, да. Так и с нами говорили: «Молодой человек!» Не то что «Сидоров, встань!», «Сидоров, пошел вон!», «Сидоров — полный идиот». Сейчас же наши преподаватели в РГГУ способна назвать «дурой» наших студенток: «Ты как была дурой, так и осталась».

И.С.: То есть начальство не может такого преподавателя выгнать?

В.Г.: Не может выгнать. Я выгнал, когда услышал, только когда я сам был начальством, свою приятельницу, внучку одного из создателей вольного университета Шанявского – далекого предшественника нашего РГГУ. Замечательный искусствовед, очень известный человек, но у нее возник конфликт со студентами... А сейчас выпускница нашей школы и наших университетов может оскорблять своих студентов сплошь да рядом. У нас школа была...

И.С.: Вас не выгоняли из класса?

В.Г.: Ну, во-первых, они с нами были на «вы».

И.С.: С какого возраста?

В.Г.: А вот сколько я себя помню.

И.С.: С семи лет?

В.Г.: Ну где же с семи, нет, я же уже был... Но на «вы», конечно.

И.С.: С семи лет — до войны, мы сейчас говорим про довоенное...

В.Г.: Я не помню до войны, нет, это бы нас только испугало, и, наоборот, нам бы не понравилось.

И.С.: Я думаю, да.

В.Г.: Это отчуждение было бы для нас.

И.С.: Это для старших.

В.Г.: «Ты», наоборот, «ты» — это значит ты член семьи. А старшие — нет, только на «вы». Так же, как и Москва, Москва — город, где все говорили как бы друг другу на «вы», только извозчику говорили: «Давай!».

О Москве начала XX века

Но, вообще, Москва — я только сейчас понял — Москва купеческая перестала быть Москвой купеческой, Москва Островского перестала быть Москвой Островского совершенно.

И.С.: В какие именно годы?

В.Г.: В начале XX века.

И.С.: В начале?

В.Г.: Ну конечно.

И.С.: В начале XX века.

В.Г.: Одновременно, когда возник МХАТ, когда Третьяков перестал быть уже таким богатым, когда Алексеев-заводчик перестал быть заводчиком, а стал создателем Художественного театра, когда Третьяков перестал быть купцом и создал галерею. Вообще Москва должна была, по моему глубокому убеждению, опередить Петербург. Петербург весь был устремлен в прошлое, недаром там «Мир искусства» возник. «Мир искусства» в прошлом. Петербург построен раз и навсегда, там почти нет новостроек... Они были в общем-то, но центр был застроен. Растрелли, всё — что там сделаешь — он был построен, он весь являл собой великое прошлое, в отличие от Нью-Йорка, который являл собой всегда свое великое будущее... Петербург был всегда обращен в прошлое, всегда, как ни странно. А Москва, которая и олицетворяла прошлое, допетровскую Русь, на самом деле в это время только и начала возвращать себе свое духовное первенство. Ни при чем религия — там очень много церквей — нет, не поэтому, а потому, что там было много художественных студий, и вся новая живопись, и вся новая архитектура, и все новое искусство возникало в Москве, а не в Питере. А там был Шагал, он сбежал оттуда сразу очень быстро, там ему не нашлось места, а в Москве было... Он уехал в Москву, в Москве работал в театре еврейском. А всё новое, вообще всё, конечно, было здесь, только потом это подкосили. И уже нам преподавали эти студенты, которые учились в московских университетах, в самом начале XX века, а потом пришли к нам, уже в пятьдесят, шестьдесят лет. Выпускники не только этой гимназии, но и Московского университета, он всегда был замечательным, в те самые времена. Там работал Бугаев-отец, стал выдвигаться очень быстро... А Петербург, кроме того, страшно пострадал после революции, прежде всего Сталин начал... Сначала Ленин, за убийство их важного чекиста, не московского...

И.С.: Урицкого?

В.Г.: Урицкого, за убийство Урицкого. Потом город этот был, как бы сказать, дворянским, гораздо больше дворянства, чем в Москве... А потом, после Кировского дела, там было несколько этапов уничтожения...

И.С.: Вадим Моисеевич, вы про Москву расскажите.

В.Г.: А я и говорю, что Москва была городом более сохранившимся. И более связанным с дореволюционным бытом, дореволюционным языком. Хотя её начали перестраивать, она, с другой стороны, пошла вперед. Так же замечательно, тоже лучшим образом, сохранилась Одесса, — тоже здорово сохранилась, недаром великие писатели начали оттуда выходить. Там эта среда дореволюционная сохранилась, хотя с ней боролись, но она сохранилась. А соседство моря и путешествия, вообще приморье, оно, конечно, сохраняло, и нельзя было ничего с ним сделать. Она была связана с заграницей гораздо больше Москвы. Петербург всегда был закрытым городом, Москва совсем даже никогда не открывалась, потому что вокруг ничего не было. Одессу как бы закрыли официально, но тем не менее было сообщение, а все оттуда. Короче говоря, детство было, повторяю: либо нас вообще оставили в покое, либо приучали к спорту.

Я на всю жизнь стал болельщиком, мы все становились, в восемь лет я стал болельщиком команды «Спартак» и до сего дня, почти семьдесят пять лет — смешно, но это так, с 1935 года.

И.С.: А расскажите, пожалуйста, про вашего товарища по парте, про Юру. И про этот дом, где он жил.

В.Г.: Этот дом назывался дом ЦК, потому что там жили молодые выдвиженцы 1930-х годов выдвинувшиеся в результате большого террора, унесшего предшествующее поколение руководителей.

О выдвиженцах

В.Г.: Значит так. В это время Москва стала городом новых, приезжих людей — выдвиженцев так называемых. Они замещали всех уходящих, ушедших, уничтоженных или сосланных деятелей, создававших новую Москву. Эти люди что-то создавали сначала...

”

Сталин патологически их боялся, он все время менял, как только возникало какое-то более-менее образованное поколение и как-то сплоченное, являвшееся какой-то цельной общностью, это поколение вырезалось немедленно, как прошлое, так и только что возникшее.

Возникло, появлялось — значит, надо было заменять. Появились новые люди. Они из деревень были, с начальным образованием школьным, церковноприходским... Они очень быстро заканчивали партийные школы — начальные и Высшую партийную школу, которая была в Москве, получали какое-то липовое образование.

”

Ну что, их там действительно научили марксизму-ленинизму, заставляли читать Маркса, «Капитал», и если они не попадали в сумасшедший дом, а даже если и попадали, то им карьера была обеспечена.

В частности, против нашей 50-й так называемой гимназии, наискосок, возник новый, в конструктивистском стиле — это ещё предсталинский стиль...

И.С.: Это конец 1920-х? Или начало 1930-х?

В.Г.: Нет, это 1935 год.

И.С.: Вот.

В.Г.: Но строили его в начале 1930-х, когда еще были конструктивисты. Строили очень хорошие архитекторы, но уже знали, что этого формализма не будет, конструктивизма не будет, будет что-то новое. Это поиски нового стиля, который возник в это время и чуть позднее.

” Гостиница «Москва» или вот Дума шпеероподобная. Шпеер — это архитектор Гитлера. Было равнение на то, что делается там, на канцелярию гитлеровскую, равнение было на гитлеровскую архитектуру.

У нас этого ещё ничего не было, такой вполне дом в этом смысле очень удобный для жилья. Там жили мои приятельницы и жил мой одноклассник, с которым я несколько лет сидел за одной партой. Звали его Юра. Милейший парень, легкомысленный. Я считаюсь тоже легкомысленным — куда мне было до него! Я ему помогал, он был очень ловкий парень, но ни черта не хотел делать, всё у меня «сдувал», списывал, и я как-то ему помогал сдавать, переходить в следующий класс. И бывал у них дома. Мама была страшно мне благодарна, она знала, он не скрывал, что учится не без моей помощи, кроме того, это была крестьянка, по-моему, с трехклассным образованием, крайне чувствовала себя неудобно, неуютно в Москве. Да там вокруг были такие же.

” Жили они на особом снабжении, ей было страшно неловко: она видела, как я одет, как я немножко такой — с аппетитом, хотя тогда у меня особенно не было, но какой-то был. И когда я уходил от них, у себя в карманах пальто я находил что-то такое, то, что вообще нам и не снилось.

И.С.: Например?

В.Г.: Банку сгущенки. Я тогда впервые узнал, что такое существует. Колбаски, чего-то ещё она совала, бутерброды, так что не обижала меня, а я немножко помогал ему с занятиями. И ей было неловко, но она интересовалась, как мы живем, где мама...

И.С.: Интересовалась?

В.Г.: Конечно. А что, мы с ней разговаривали, она нормальная была, неглупая женщина, совершенно не темная, совершенно не идиотка. Да и муж её, которого я никогда не видел, но знал, что он работает в ЦК, потому что это дом ЦК, все те, кто работал в ЦК, инструкторы ЦК, получали квартиры в этом доме. Замечательные квартиры, меблированные, всё там было, ничего не надо было туда ввозить. Там жила моя приятельница, поэтому я видел, как это на самом деле. Значит, прошло военное время, почему этот голод был — потому что война шла.

И.С.: А, то есть это во время войны?

В.Г.: А как же.

И.С.: Так, а вы же были в эвакуации?

В.Г.: Один год, в следующий год меня приняли, я пропустил год, мне зачли его.

И.С.: А, то есть вы были в эвакуации всего один год, потом вернулись? В каком году? Во время войны вернулись?

В.Г.: Да, конечно. О, это эпопея, как я возвращался, это замечательно! Впроголодь жили совершенно.

И.С.: А, то есть это война, это не предвоенное...

Как появилось «дело врачей»

В.Г.: Не предвоенное, это война. Значит, война кончается, и мы расходимся, и куда девается Юра, я понятия не имею, никогда не видел. Но дальше начинается моя эпопея, я поступаю в ГИТИС... Это было первое время, один-единственный год, когда меня не взяли в армию, потому что этот год непризывной был мой, 1928-й, и это был единственный год — потом все это кончилось, — когда пятый пункт для приема в институт не играл никакой роли, лишь бы были места, потому что приходили фронтовики, они зачислялись без всяких экзаменов. Если были свободные места, брали на основании честных экзаменов. Честные экзамены я выиграл и попал туда. Через год лафа эта кончилась, начали смотреть уже аттестаты и анкеты. Почему у нас был такой странный курс в этом отношении — фронтовики и «пятый пункт», и девчонки, которые половину тоже были «пятый пункт», как Наташа, моя любовь, главная, невероятная. Проходит время, начинается кампания по борьбе с космополитизмом, 1949 год, страшный разгром, меня выгоняют, потом она кончается. Потом начинается 1952 год, «дело врачей». Самое страшное время, когда на улицу страшно было выходить, незадолго до смерти Сталина это началось. История этого «дела врачей» теперь хорошо известна. Дело в том, что такой был полковник пузатый, негодяй, темный, невежественный человек, дважды изгонявшийся из органов, потому что он там терял документы, орал, вел себя безобразно даже по их понятиям — у них какие-то свои понятия. Он скрыл свое происхождение — в общем, черт знает что. Его ненавидела вся, как бы сказать, не аристократия,

не интеллигентия, но : он был груб не только к подследственным — это была форма отношения к арестованным, — но к своим. Своим грубить нельзя, это была этика внутренняя. А он орал, кричал, хамил даже своим бывшим начальникам, теперь ставшим подчиненными.

Он делал большую карьеру — Рюмин, хорошая фамилия... Хорошие русские фамилии: Ежов, Рюмин. И за это его ненавидели, не за то, что он был палач, а за то, что он был хам и грубиян.

«Среди биндюжников он слыл грубияном», как Беня Крик, так и этот: среди палачей он слыл грубияном, я бы так сказал о Рюмине. Он как-то перевозил документы, в дым был пьян — он пьяница был — и оказался на грани изгнания из органов, а изгнание из органов — это хуже ничего не придумаешь. Во-первых, никуда не возьмут, а через какое-то время *возьмут*уже тебя, *туда* отправят. И он вспомнил, что в архивах лежит письмо Лидии Тимашук, врача, которое было отправлено после смерти Жданова, в 1949 году, во времена борьбы с космополитизмом, с обвинением врачей, что они угробили Жданова. Сталин прочитал и сказал: «В архив», — и это как бы забылось. Кроме того, в это время был арестован — потому что дело еврейское, оно тлеет, — был арестован врач за связь с кем-то, какая-то была связь. Он понял, что сейчас еврейская, антисемитская кампания — пора уже, она тлеет, и сделать нужно было, чтобы она разоглась. И он написал письмо на имя Маленкова, а Маленков был второй человек в партии, у которого тоже положение шаталось, потому что Сталин то его приближал, то отдалял. Маленков после войны очень погорел по делу летчиков, по самолетному делу. Он был изгнан из Политбюро, потом возвращен, потому что Жданов его обыграл, а потом он обыграл Жданова, но там своя история, неважно. Во всяком случае, Маленкову тоже надо было как-то подкрепить свое дело. И он на адрес Маленкова написал письмо, что такая врач нам сигнализировала о том, что кремлевские врачи погубили Жданова и вообще хотели погубить того-то, того-то, того-то — придумал «дело врачей» он, этот Рюмин. То есть не он — мы не знаем его оригинал, но он это послал туда. Маленков не читал, читал его секретарь, более грамотный человек, вызвал этого Рюмина, прочитал эту бумажку, абсолютно неграмотную, он тоже кончал не больше трех классов. И они начали сочинять *настоящее* письмо, которое потом стало основанием для «дела врачей», и даже была воспроизведена часть этого письма... как обвинение, обвинительный акт.

По рассказам тех, кто в курсе дела — а всё это в архивах сохранилось, — они с ним сидели с утра до вечера, несколько раз меняли редакцию, в конце концов сделали окончательную редакцию. И там возникло это «врачи-убийцы», все это дело, и отослали Маленкову. Маленков схватил и понес Сталину. Сталин сказал: «Да», — очень обрадовался. Кто был секретарем Маленкова, практически автором этого письма — Рюмин был инициатор, но он невежественный человек, он не мог двух слов написать, — а кто написал в конечном счете, кто с ним работал несколько часов в приемной ЦК и в конце концов послал Маленкову, а Маленков Сталину, и кто стал в конце концов автором «дела врачей»? Секретарь Маленкова, известный человек по фамилии Суханов, отец этого самого Юры и муж этой самой женщины, которая меня угощала, в карман пальто совала всякие завтраки, чтобы я подкормился. Вот так складывается наша история, наша жизнь. Потом умирает Сталин, на какое-то время Маленков становится Председателем Совета министров, вторым человеком, а может быть, в это время даже первым... А суперпервым был Берия, но все они сплотились против, и его убирают. А Суханов, этот самый папа, становится секретарем обкома на Дальнем Востоке, большая должность, потому что не какой-то секретарь, а первый, потом он становится даже секретарем ЦК, это очень высокая должность. А потом слетает Маленков, против него Хрущев встает... Сначала Маленков отправляется куда-то в министерство электростанций, потом на какую-то электростанцию, потом уезжает, потом становится в Москве московским пенсионером и православным, посетителем какого-то храма. Куда делся Суханов, я не знаю, а сын совсем исчез. Это история, так сказать, моего соприкосновения с высшей властью. И вообще, всё в нашей жизни рядом находилось. Вот этот создатель фактически «дела врачей», ну какой он убийца? Жена его, ну какая она убийца? Она скромная, очень добрая женщина, и сам он был таким же. И сын его был прелестный парень. Но, попав туда, эти люди, нормальные, по-видимому, из крестьянских семей, совсем бедных, попав туда, они обнаружили себя... Это не зло, это проблема, которая у просветителей: зло существует

в людях или оно благоприобретенное? Попав в ЦК, он забывает все, кроме того, что надо спасать свою карьеру и служить своему непосредственному начальнику, который тебя выдвинул. Это делалось не из антисемитизма, а из того, что надо было подкрепить Маленкова и угодить Сталину. А что за этим люди живые, что за этим вообще черт знает что, это никого тогда не волновало, вообще никого, это совершенно другая психология — психология выдвинутых. Их выдвинули, могли тут же задвинуть обратно, они это прекрасно знали. Это был способ удержаться хотя бы в этом доме ЦК. Это замечательная история, по-моему, которую можно комментировать как угодно. Сколько сейчас времени?

И.С.: Сейчас четверть шестого.

В.Г.: Уже шестого? Все, кончаем, я рассказал для истории.

И.С.: А я думала, что еще будет сравнение довоенного и послевоенного. Коротко можете сказать?

В.Г.: Довоенного, коротко...

И.С.: Ну вот то, что вы говорили в прошлый раз, как было до войны, состояние до войны и после войны, что это было два разных мира.

В.Г.: Абсолютно.

И.С.: Ну тогда начните.

В.Г.: Нет, до какого...

Как изменилась атмосфера после войны

И.С.: Скажите, пожалуйста, насколько изменилась атмосфера после войны по сравнению с довоенной, в той же Москве. Понятно, что вы из детства перешли уже в совсем другое время, понятно, что вы уже были юношей.

В.Г.: Да, она стала совершенно другим городом, Москва. Она стала перенаселенной, очень резко изменилась своим населением...

И.С.: После войны? Туда все приехали?

В.Г.: Колоссальное количество людей, колоссальное, она стала мегаполисом, чего раньше не было. Стали огромные высотные дома строиться, и вообще она стала как бы столицей.

И.С.: А она столицей была.

В.Г.: Нет, столицей был Кремль, мы так ходили вокруг него, ну трамвай ездил по Арбату, там вообще патриархальная жизнь...

И.С.: Я помню на Арбате...

В.Г.: Патриархальная. Огромное количество милиции, милиционеры стоят на всех углах: проходите, проходите, проходите. Мы почувствовали себя не хозяевами Москвы, вот такое было ощущение.

И.С.: А до войны были хозяевами?

В.Г.: Ну как, не я, а мы все.

И.С.: Может быть, это детская иллюзия?

В.Г.: Возможно. Не я, а мы. Но это наш город, и поэтому песни были, кстати говоря, песни о Москве после войны прекратили. Мы ходили как «человек проходит как хозяин...» — Лебедев-Кумач. Ходили спокойно, а дальше попробуй — ходи! Куда ходить? Знаете, вечером, ночью вообще нельзя было по Арбату ходить, потому что стояли там везде, следили за нами.

Это город был оккупированный властью — тогда уже власть оккупировала наш город, нашу Москву, она нам не принадлежала.

Тогда принадлежала.

И.С.: Это случилось сразу после войны? Или еще во время войны?

В.Г.: Сразу. Нет, во время войны это закрытый был город, военный... Он был город оккупированный властью. Её стало гораздо больше, этой власти... На улице гораздо больше стало милиционеров. Военных здесь никогда не было, по-моему... Нет, милиция, и все. Причем она по-другому себя вела... Какие дяди Степы?! Только сигналили: подойди, — они не сходили со своих мест, иногда тебя призывали, надо было к ним подойти. Иначе был свист, и тебя могли тут же увезти.

И.С.: Увезти могли?

В.Г.: Тут же вызвать какой-то...

И.С.: Если не подходишь?

В.Г.: Да-да-да. Со мной это было не один раз.

И.С.: Увозили?!

В.Г.: Да, конечно.

И.С.: Как?!

В.Г.: Нет, не увозили, увозили меня по-другому... Неподчинение милиции — надо было сразу подходить к ним.

И.С.: И какие...

В.Г.: Не там перешел или что-то такое. Москва стала, повторяю... Вот это было самое главное ощущение, о котором надо говорить: оккупированный город, власть его оккупировала. И власть, которая вообще нас не замечает...

Сталина никто никогда не видел. Только ходили, выясняли, уехал он в отпуск, не уехал. Он же перестал появляться как бы то ни было, вообще нигде его не было.

И они проносились страшно, тогда закрывалось всё, проносилось много этих машин...

И.С.: То есть начали перекрывать?

В.Г.: Да, конечно.

И.С.: После войны начали перекрывать?

В.Г.: Конечно-конечно, носились страшно.

И.С.: То есть те, которые ездили по Денежному переулку перед войной?

В.Г.: Да-да, Арбат был закрытой правительственной улицей, они ездили там. Начали по Арбату, потом по улице Горького. Вообще Арбат был правительственной трассой, теперь Новый Арбат, а тогда был старый Арбат, тогда надо было прятаться и вообще не появляться, могли убить просто.

И.С.: После войны? Или перед войной?

В.Г.: После войны. Нет, во время войны он сидел у себя на даче...

И.С.: А когда нужно было прятаться?

В.Г.: Ну вот после войны... Во-первых, перенаселенность и ощущение утерянной свободы.

И.С.: Может, просто вы повзрослели?

В.Г.: Могли забрать — это ощущение угрозы, которого никогда не было, что тебя могут забрать за что-нибудь...

И.С.: А может быть, просто вы повзрослели, стали это воспринимать?

В.Г.: Вполне возможно, да. Тебя могут забрать. Ты должен учиться, так сказать, вот и все. «Человек проходит как хозяин» — это было до войны.

И.С.: Но это детское было такое...

В.Г.: Нет, это пелось.

И.С.: Я понимаю, что это пели, но я думаю, что у ваших родителей не было такого ощущения.

В.Г.: Не было, не было.

” Я говорю, написал в своей справке, что во время праздников неверно, что никого не брали, что не работали органы — работали. 2 мая был арестован Мандельштам, я только потом это вспомнил, знал да забыл.

Нет, это было ощущение. Поначалу она была оккупирована «Черной кошкой», в последний год войны.

И.С.: Бандой?

В.Г.: Да. Я сам с ней столкнулся...

И.С.: С бандой? Как?

В.Г.: Я очень поздно возвращался из гостей, в своем Денежном переулке, и вдруг подошли ко мне, меня нагнали два человека, слева и справа, без всяких слов, просто со мной начали идти рядом. Так вот рядом идти, слева и справа, как конвой. А в это время Москва уже знала, Москва конвоировалась, на лошадях был конвой, а наша рядом была милиция. И вдруг послышался топот копыт: конвой вышел как раз...

И.С.: С Луначарского?

В.Г.: Да-да. И они спокойно остановились и ушли... А наутро там же была найдена убитая женщина, буквально напротив того места, где они от меня ушли. Это было так, спокойно, ни одного слова, ни мата, вообще ничего, два здоровых парня пошли со мной рядом. Что я чувствовал, даже вспоминать не хочется.

И.С.: Всё понял сразу?

В.Г.: Ну конечно. А все же знали.

И.С.: А не пришло в голову патрульным сказать, что там...

В.Г.: Какое там, онемение началось.

И.С.: Что?

В.Г.: Онемение началось. На этом же эффект психологический...

И.С.: Нет, этому...

В.Г.: Кому сказать?

И.С.: Этому патрулю конному.

В.Г.: Нет-нет, я им даже сказать ничего не мог, я что-то показал руками: вон там...

И.С.: Показал? А они?

В.Г.: Они на лошадях: да-да-да, иди домой.

И.С.: То есть не поняли?

В.Г.: Всё поняли.

И.С.: Всё поняли?

В.Г.: Абсолютно все всегда все понимают. Они чего-то здесь искали или ловили, но не нашли, потом на лошадях ушли. А у нас в соседнем дворе в это же время была убита женщина. Ее раздели, убили, сняли с нее шубу.

И.С.: Шубу... С вас-то что можно было снять?

В.Г.: А неважно, надо было попугать Москву.

И.С.: Ах вот так?

В.Г.: Конечно, что они хозяева, а как же! И никакого там Высоцкого еще не было, который с ними боролся.

И.С.: А! (*Смеется.*) Значит, после «Черной кошки» как раз и началась власть?

В.Г.: Началась, да. И тогда Сталин вернулся, стал хозяином Москвы, и они стали хозяевами Москвы. Им надо было свою власть утвердить не против нас, а против фронтовиков, которые пришли.

Но это обычная ситуация 1814 года — возвращение с фронта победителей. Победители с фронта вернулись, надо было показать...

И начались процессы, ленинградские процессы начались... Устранение Жукова, сначала в Прибалтику, потом в Одессу, Рокоссовского в Польшу. Надо было показать, кто в Москве хозяин. Показали. Огромным количеством милиции. Кроме того, еще очень важное: город затемненный, темный город...

И.С.: Фонарей не было?

В.Г.: Было, но они горели на десятой мощности. Темно, идешь, начиная с восьми-девяти часов, по темным улицам. Москва — темный город.

И.С.: До войны такого не было?

В.Г.: Нет. Все рассказы, впечатления, и мое собственное, людей, которые впервые попали за границу... Чем отличается заграница? Когда приезжают из-за границы, через границу советскую, что там светло.

И.С.: А тогда разве ездили?

В.Г.: Ну какие-то писатели ездили.

” А чем отличается Берлин, вот вы туда ездили? — А там светло. У нас в Москве — темно, а у вас вообще была темень в Петербурге-Ленинграде. У меня впечатление от Ленинграда, что это темный город, единственное, что его освещало, это белые ночи...

И.С.: У меня детские воспоминания тоже о темноте, но я думала...

В.Г.: Белые ночи, берегли электричество, он освещался белыми ночами, большая экономия. (Смеется.) Всё.

И.С.: Всё. Спасибо.

(Беседа проиллюстрирована фотографиями Ирины Штрих)